* * *

О, затяжная хмурая весна
Там, где без солнца прорастают листья!
Роняет капли зябкие сосна
На озеро, мерцающее мглисто.

Здесь понимаешь, что такое Русь.
Та, что в корнях до времени таится.
И шепчешь на прощанье: «Я вернусь,
Как возвращаются к своим истокам птицы».

* * *

Холодным солнцем ослеплённый,
Мир погружается во тьму.
Стена берёз, как побелённый
Храм, близкий сердцу моему.

Пожухлые склонились травы
И лёд в разбитых колеях.
В глуши космической державы
Таится неизжитый крах.

Иду один в огромном поле
И только дальний лай собак.
В предзимьем дышащем просторе
Отогревает сизый мрак.

* * *

Виктору Ивановичу Рыбалко

Закат осенний пламенеет,
И страшно на него смотреть.
Как будто в чёрных тучах зреет
Всепоглощающая смерть.

Мерцая тусклой позолотой,
Покорно гаснут купола.
И в этот миг навек кого-то
Надмирная объяла мгла.

И только колокол сквозь ветер
Призывный голос подаёт:
«Мы не умрём, в Грядущем Свете
Душа прозренье обретёт».

* * *

Тенисто-таинственный остров,
где проблески солнца в траве.
И где затеряться так просто
в небесно-речной синеве.
Где в лето влюблённые дети
меня звонко папой зовут,
и где на особой примете
у Бога кувшинки цветут.

ИЗ ЦИКЛА «НА ЖГУЧИХ ПОЛЯХ НОВОРОССИИ»

1
Песня ополченца

Эта Горловка –
нож у горла мне,
Злая вязкая тишина.
Листьев шорохом,
дальним всполохом
будоражит мне кровь она.
Здесь от грохота
стены охали,
а на окнах здесь – всё кресты.
Но за окнами,
светлоокая,
верю, ждёшь меня верно – ты.
Нет, не умерло
в грозных сумерках
всё, что теплилось, как свеча…
Эта Горловка –
чаша горькая,
бьётся кровь в виски, горяча…

2
Обрыв

Ольге Блюминой

Мы стояли над обрывом,
а под ним плескалось море,
и сушил горячий ветер
наши губы и сердца.

Чтобы их смочить, мы пили
терпкий розовый напиток,
и смеялись наши губы,
и туманились глаза.

И казалось бесконечным
море жёлто-голубое,
и в сухих колючих травах
прятался от ветра зной.

И не верилось, что близко
в душном мареве ковыльном
в окровавленном окопе
кто-то жизнь кладёт за нас.

3

Война давно здесь стала горьким бытом.
Простым и страшным, как глаза собаки,
что потеряла навсегда хозяев,
но сторожит родное пепелище.

И как осколки, что хранят на память
родители счастливого ребёнка,
поскольку был он не убит, а ранен
вот этим раскуроченным железом.

Война вошла в подкорку поколенья,
младого племени, что ждало лучшей доли,
но раз уж так случилось, то любимых
ждут с фронта, как с рискованной работы.

Ночами жёны шепчут заклинанья:
«Война подохни, выживи, мой милый».

4

Холодны рубиновые звёзды,
Что мерцают в предрассветной мгле.
Где-то там, в дали кроваво-грозной
Вспоминают люди о Кремле.

Вспоминают в ледяных окопах
В дребезжащих окнами домах.
И растёт над Русским миром ропот:
«Царь торгует газом на костях».

Посреди зимы грохочут грозы,
Молнии разят людей в сердца…
Русский царь! Однажды станет поздно,
Есть предел страданьям без конца!

Нашим людям на войне нечестной
Остаётся честно умирать.
И опять в степи глухой, безвестной
Сыновей своих хоронить Мать.

Но однажды, верим мы, – взовьётся
Над Россией Огнеликий стяг,
И в предсмертном вое содрогнётся
Нас терзавший беспощадный враг!

…Набухают свежей кровью стены,
Кремль встречает новую зарю.
А Василий щурится блаженно,
И пеняет хитрому царю.